

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

*Д.В. МЕЛЬНИК***Между Левиафаном и Маммоной: в поисках моральной экономики**

Понятия нравственности, справедливости, блага всегда играли значительную роль в восприятии экономической науки. В статье делается попытка выявить некоторые закономерности моральной критики экономической науки. В первом разделе рассматриваются вызовы, с которыми сталкивается современная экономическая наука в условиях усиления политического влияния популистских партий и движений. Во втором затрагиваются некоторые факторы, способствующие моральной критике экономической науки. В третьем разделе на примере творчества Т. Гоббса, А. Смита, Т. Карлейля рассматриваются различные подходы к обоснованию регулирования человеческого поведения (на основе государственного принуждения, рынка, нравственности). Анализ начальных этапов становления консервативно-романтической программы подчинения рыночного механизма идеалам справедливости и общего блага позволяет выявить ее фундаментальную проблему: необходимость принуждения к исполнению не только правовых, но и моральных норм.

Ключевые слова: моральная экономика, моральная экономия, критика экономических теорий, экономический либерализм, А. Смит, Т. Карлейль, Т. Гоббс

...Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех

Т. Гоббс

О, сколь ужасно, когда целый народ “отринул Господа”, как бывало говорили наши предки; когда он поминает лишь Маммону и влечется Маммоной!

Т. Карлейль

Современная экономическая наука и вызовы “популизма”

Один из примечательных феноменов в развитии экономической теории – то постоянство, с которым она порицается и отторгается как аморальная. Иногда такое отношение маргинализировалось, иногда выступало на первый план в публичном дискурсе, но оно всегда было фоном распространения экономического знания и обсуждения экономической политики. Оно же регулярно порождало стремление либо

Мельник Денис Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент департамента теоретической экономики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: Нахимовский просп., д. 32, Москва, 117218. E-mail: dmelnik@hse.ru

опровергнуть такие упреки, либо сформулировать моральную альтернативу экономической теории и ее предписаниям.

Морализаторская риторика в отношении экономической проблематики традиционно усиливается в кризисные периоды. По итогам любого значительного потрясения в адрес экономистов выдвигаются упреки, во-первых, в неумении предсказать кризис, во-вторых, в отсутствие адекватных рецептов быстрого выхода из него. Глубокие и длительные спады в экономике с необходимостью усиливали и представления о кризисном состоянии экономической теории. В результате последнего мирового экономического кризиса к этим упрекам прибавился еще один: экономическая наука, будучи вплетена в сложившийся (“неолиберальный”) миропорядок, сама стала элементом кризиса. В поисках ответа на вызовы современности политики и общественные деятели все чаще обращаются не к обсуждению мер экономической политики, связанных с тем или иным направлением в рамках современной макроэкономики, а к идеалу общественного устройства, предполагающему ограничение мотивов личной выгоды и подчинение интересам общего блага нынешних и будущих поколений.

В определенной степени коммунитарные ценности находили отражение в западном политическом дискурсе и ранее, в частности в условиях радикализации молодежных движений конца 1960—1970-х гг. Но истеблишменту удавалось успешно маргинализировать одних сторонников этих ценностей и инкорпорировать в свои ряды других. А в последнее десятилетие XX в., в условиях, воспринимаемых как конец истории и отмирание идеологий, прежнее политическое разделение на правых и левых, казалось, навсегда уходило в прошлое, вытесняясь центризмом “третьего” пути. Такие политические деятели, как У. Клинтон, Э. Блэр, Г. Шредер, действуя в разных контекстах, приходили к власти, смягчая излишне левые идеологические установки своих партий и активно заимствуя правые экономические рецепты. Задачи движения к социальной справедливости не игнорировались, но их достижение связывалось с обеспечением экономической эффективности и конкурентоспособности на глобализирующихся рынках. Реакцией на это стало смещение к центру в вопросах внутренней политики конкурирующих партий: Дж. Буш-младший и Д. Кэмерон побеждали на выборах, выдвигая программы “благожелательного консерватизма” (*compassionate conservatism*) (см., например, [Cameron 2006]).

После подрыва позиций традиционных партий социалистического толка, к началу XXI в. критика существующего миропорядка (а не отдельных проблем в его рамках) оставалась уделом представителей экологических движений, антиглобалистов и иных радикальных групп. Но за последние годы движения, которые ситуативно складывались на волне протестов против мер жесткой экономии, последовавших за кризисом 2007—2008 гг., стали добиваться неожиданных успехов в стандартном политическом процессе. Представителям этих движений удалось прийти к власти в Греции (“Сириза”) и подорвать двухпартийную систему в Испании (“Подemos”). Ярким примером критики современной экономической системы стала риторика недавнего претендента на пост кандидата от Демократической партии США на президентских выборах 2016 г. Б. Сандерса. С одной стороны, его можно считать традиционным (“до-неолиберальным”) демократом, предлагающим меры в духе “Нового курса” и кейнсианской экономической политики. В этом он схож с Дж. Корбином, который опять-таки неожиданно, вопреки привычным лидерам центристского “нового лейборизма”, занял в 2015 г. пост лидера Лейбористской партии Великобритании (см., например, [Knight 2016]).

Но весьма необычными для политика подобных взглядов стал экскурс Сандерса в социальную доктрину католической церкви. Он, в частности, утверждал: “Мало что в современной мысли может сравниться по глубине и проницательности с моральным учением (католической. — Д.М.) церкви в отношении рыночной экономики”. И значимость этой оценки усилилась после 1991 г., когда, “в условиях нерегулируемой глобализации, основанной на спекулятивных финансах, мировая рыночная экономика вырвалась из правовых, политических, моральных ограничений, которые служили некогда защите общего блага”. Соответственно, цель состоит в возвращении

экономики “...под диктат морали и общего блага” [Sanders 2016, p. 166, 167]. Такая риторика не является более эксцентричной. Она, например, практически идентична словам Дж. Стиглица: “Мы позволили рынкам слепо формировать нашу экономику, но тем самым они сформировали и наше общество... Мы создали общество, в котором материализм подавил моральные обязательства, в котором быстрые темпы роста, достигнутые нами, не могут поддерживаться ни экологически, ни социально, в котором мы не действуем сообща для обеспечения наших общих потребностей” [Stiglitz 2010].

Прогрессистский дискурс никогда не был чужд указаниям на моральные пороки капитализма. Однако обоснованием программ по росту государственного регулирования экономики во второй половине XX в. служил главным образом связываемый с этим выигрыш в экономической эффективности – в противоположность представлениям об эффективности свободного рынка, особенно усилившимся в эру Тэтчер–Рейгана. Морализаторская риторика последнего десятилетия сместила фокус и вернула вопрос этической оценки капитализма, пусть и в его современной, неолиберальной форме. “Новые прогрессисты” исходят из его аморальности, выводя из нее в том числе и текущие экономические проблемы. Альтернатива чаще всего определяется негативно, через противопоставление неолиберальной экономической системе и моделям поведения ее репрезентативных акторов (управляющих транснациональных корпораций, финансовых спекулянтов и пр.).

Однако политическая деятельность предполагает и выдвижение конкретных позитивных программ. В этом отношении современная морализаторская риторика вполне может обрамлять экономические программы, подразумевающие возврат к традиционным, до-неолиберальным механизмам и задачам государства благосостояния (перераспределением, снижающим неравенство, поддержкой профсоюзного движения, расширением доступности образования, медицины и т.д.) Характерный пример – выступление Дж. Корбина, в котором он говорил о необходимости продолжения давнего курса Лейбористской партии на институционализацию справедливости (*fairness*): «Справедливость не есть лишь абстрактная мораль, на которую мы претендуем... Любой может обернуть свою политику в язык “справедливости”, но лишь лейбористы обеспечивали справедливость посредством институтов и законов» [Corbyn 2016]. Напротив, придание моральной критике неолиберального капитализма самостоятельного характера неизбежно выводит вопросы желаемого переустройства общества за пределы экономического и сталкивает с необходимостью практического оформления идеала “про-социальных”, вне рыночных форм экономической деятельности. И в этом случае прогрессистский дискурс вступает на территорию, давно и прочно занятую консервативно-традиционалистским дискурсом и связанными с ним идеалами – религиозными, корпоративистскими, националистическими¹.

Долгое время ссылки на мораль и общее благо как некие неизменные и фундаментальные ценности, противостоящие стихии рынка, оставались уделом именно право-консервативных и традиционалистских движений, занимавших во второй половине XX в. преимущественно маргинальные позиции. Исключение в Западной Европе составляли христианско-демократические партии. Но они находились на безусловно прорыночных позициях, структурируя в тех странах, где были особенно сильны (Италии, Германии, Австрии), правую часть политического истеблишмента. На изменяющемся политическом ландшафте “новые традиционалисты” (например, Национальный фронт во Франции, Лига Севера в Италии, Партия независимости Соединенного Королевства) занимают все более заметные позиции. Идеологии и программы

¹ Следует заметить, что в неблагоприятных экономических условиях такой сдвиг вправо под прикрытием морализаторской риторики может быть вызван вполне “материальными” причинами. Так, профсоюзы, традиционно выступали бастионом левых партий. Однако “современные исследователи профсоюзного движения обращают внимание на то, что многие профсоюзные лидеры (прежде всего индустриально развитых стран) пошли по пути экономического национализма – вместо того, чтобы защищать зарплату своих членов, добиваясь повышения ее уровня в более бедных странах, они пытаются решить проблемы за счет закрытия границ и высоких таможенных пошлин” [Петров 2016, с. 390].

этих движений разнородны. Но в общем можно заметить, что они активно используют в своих экономических программах критику последствий неолиберальной глобализации и деятельности наднациональных институтов и международных соглашений, с нею связываемых. За последнее десятилетие партии и движения, опирающиеся на дискурс, оставшийся ранее уделом крайне правой (как правило, экстрапарламентарной) части политического спектра, успешно теснят не только традиционно правые, но и левые партии. В ряде постсоциалистических стран рост влияния подобных партий связан и с последствиями трансформационного шока. Так, возвращение в 2015 г. к власти в Польше партии “Право и справедливость” (несмотря на существенные экономические успехи, достигнутые за время правления ее оппонентов) иллюстрирует то, что “неолиберальная политика насаждения экономики так и не смогла избавиться от (преследующей ее с начала реформ 1980–1990 гг. — Д.М.) проблемы легитимности” [Makovicky 2016, p. 198].

Существенные различия между “новыми традиционалистами” и “новыми прогрессистами” сохраняются, но связаны они не столько с содержанием экономических программ (по некоторым пунктам, таким как отношение к регулированию со стороны ЕС, к монетарной политике в зоне евро, к расширению действия принципа свободы торговли, они практически сливаются), а с пониманием ценностей и вытекающей из них иерархии прав. По словам премьер-министра Венгрии В. Орбана, “права на человеческое достоинство и безопасность являются базовыми правами. Но немецкий, австрийский или венгерский образы жизни не принадлежат к числу базовых прав всех жителей Земли”. Критикуя противников ограничения миграции, он связывает их позицию с ценностями европейских левых, которые “мечтают о политически сконструированном мировом обществе без религиозных традиций, без границ, без наций. Они атакуют базовые ценности нашей европейской идентичности: семью, нацию, subsidiarность и ответственность” [Orbán 2015].

Представления о морали и общем благе, характерные для “новых традиционалистов”, предполагают ограничение воздействия глобальной рыночной системы и наднационального экономического регулирования. Важное, а иногда центральное место в их риторике занимает защита национальной идентичности, традиций, культуры и морали как таковых, что при дальнейшем разворачивании этих понятий главным образом сводится к стремлению регуляции сексуального и репродуктивного поведения.

При всем различии “новых традиционалистов” и “новых прогрессистов” в трактовке системы ценностей, их объединяет моральная критика современной экономической системы. Рост влияния риторики, обозначаемой истеблишментом как популистская, часто считается аномалией, порожденной сочетанием экономических, политических и социальных вызовов. Но она, несомненно, резонирует с настроениями значительной части общества и так или иначе воздействует на “респектабельные” партии. Яркими недавними примерами этого можно считать фактический срыв договоренностей о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), успех референдума о выходе Великобритании из ЕС.

Морализаторская риторика означает смещение фокуса дискуссий с собственно экономической эффективности на социальные и моральные последствия принимаемых решений. Критика глобальной рыночной системы сталкивает утонченный экономический анализ с вопросом, который когда-то стоял у истоков современного экономического мышления: о роли и значении рыночного обмена в жизни общества. Хорошо или плохо отводить ведущую роль в координации и регулировании человеческих взаимодействий рыночному механизму? С точки зрения стандартного экономического анализа, этот вопрос был навсегда оставлен в истории (или, скорее, предыстории) экономической науки. Экономический анализ рассматривает результаты функционирования рынков в различных условиях при той или иной исходной аллокации ресурсов. Ответ же на указанный вопрос предполагает оценку всей социально-экономической системы, основанной на господстве рыночного обмена.

В общественных дискуссиях линия раздела все чаще проходит между сторонниками тех или иных политических решений как целесообразных с точки зрения экономической эффективности и критиками глобальной рыночной системы как аморальной. Формальные экономические модели, подкрепляя аргументы первых, часто служат лишь иллюстрацией исходного тезиса для последних. И поскольку искусство политики опирается на риторику в большей степени, чем на математику, экономисты, преуспевшие в изгнании ценностных предпосылок из анализа, все чаще оказываются на осадном положении, подвергаясь критике как слева, так и справа.

Аморальна ли экономика как наука, изучающая механизмы координации, основанные на рыночном обмене и стремлении к прибыли? Используя самые базовые методологические положения, этот вопрос довольно легко отмести как некорректный. В то же время нельзя не заметить, что поиски идеалов общественного устройства и борьба с несправедливостью всегда явно или неявно оказывали значительное влияние на разработку экономических идей. Аморальность экономической науки в представлении ее критиков связана не с отсутствием ценностных установок как таковым, а с тем, что господствующие в ней установки противоречат подлинным идеалам человеческого общества. Рассмотрение данного вопроса с точки зрения той или иной ценностной позиции не может дать удовлетворительного решения. Но исследования в области истории идей предоставляют богатый материал для его рассмотрения с точки зрения роли и места ценностей в общественных исследованиях.

Моральная экономия и моральная экономика

Среди историков общественных наук никогда не было недостатка в скрупулезных и объективных исследователях текстов прошлого. Сама их деятельность и содержит в себе смысл, без чего институциональное воспроизводство данного профессионального сообщества было бы невозможно. Но вне границ этого сообщества история науки обретает смысл тогда, когда она служит легитимации или обоснованию современных подходов — особенно в связи с обострением конкуренции между ними. “Бои за историю” ведутся в настоящем.

Тесная связь актуальных проблем общественных наук и изучения их прошлого делала и делает неизбежным распространение телеологического подхода в историко-научных исследованиях. История идей пишется как история их *развития* к современному состоянию. В таких историях обычно есть предтечи, предвосхитившие те или иные положения будущих, еще не известных им доктрин, есть основатели, соединившие разрозненные положения в стройную систему, есть их последователи, образующие школы, в рамках которых уточняются отдельные элементы теоретических систем и обеспечивается их практическая применимость. В такого рода историях идеи часто первоначально встречают непонимание и неприятие, чтобы затем, в ходе своего развития, изменить мир. Идеи, говоря коротко, выступают вестниками и проводниками прогресса.

Начало современной критики телеологического подхода к истории идей восходит к 1930-м гг. и связано с понятием “виговской истории”, идущим от вышедшей впервые в 1931 г. работой британского историка Г. Баттерфилда, где он подверг критике “телеологические импликации виговских историков XIX в., которые изображали развитие Англии как неизбежный триумф прав над тиранией и деспотизмом” [Норт, Уоллис, Вейнгаст 2011, с. 153]. Таким образом, критика телеологического подхода изначально соотносилась с рассмотрением постоянного спутника экономической науки в истории общественных идей — либерализма.

Но уже у самого Баттерфилда понимание виговской интерпретации выходило за очерченные им хронологические и предметные границы [Butterfield 1965], а во второй половине XX в. это определение распространилось и на другие области истории общественных наук. Одним из первых среди экономистов его использовал Ф. Хайек. В вышедшем в 1954 г. под его редакцией сборнике он отвергал критику в адрес виговской

истории и отмечал, что ее “благотворное воздействие на формирование чрезвычайно либеральной атмосферы XIX в. не подлежит сомнению... Она определенно привила воспитанным на ней поколениям истинное понимание ценности политической свободы, завоеванных для них их предками...” [Хайек 2012, с. 10–11]. Именно то, что критики считали фундаментальным недостатком — рассмотрение истории исходя из современных историкам представлений и ценностей, он считал основным достоинством виговской истории. Признавая, что ее время ушло вместе с классическим либерализмом XIX в., Хайек выдвигал следующий упрек более поздним исследователям: “Глубокое влияние, которое текущие представления об истории оказывают на политические взгляды, сегодня осознается куда меньше, чем в прошлом. Одна из причин такого положения дел состоит в том, что многие современные историки претендуют на то, чтобы заниматься чистой наукой, и на полную свободу от политических пристрастий” [Хайек 2012, с. 8]. Но “в отличие от исторического исследования, историография не только искусство, но и наука; автор, который начнет заниматься ею, не отдавая себе отчета в том, что его задачей является интерпретация (исторических событий. — Д.М.) в свете определенных ценностей, преуспеет лишь в самообмане...” [Хайек 2012, с. 9].

Вместе с тем критики виговского подхода исходили из того, что отказ от интерпретации истории идей на основе одной из систем ценностей не должен привести к замене ее на какую-либо другую, “правильную”. Применяя критику виговского подхода к исследованиям в области истории экономической науки, М. Блауг противопоставлял рационалистическую и исторические реконструкции [Blaug 2001, p. 150–151]. Разновидностью виговского подхода у него выступала первая, которая предполагала оценку идей прошлого, исходя из уровня достигнутого современным экономическим анализом и их вклада в его развитие. Блауг подчеркивал значимость исторических реконструкций, рассматривающих идеи прошлого в контексте времени и условий их появления.

Следует признать, однако, что систематическое следование такому подходу не приобрело большой популярности среди современных экономистов. Собственно, и сам Блауг признавался с сожалением, что он внес вклад в разработку именно рационалистической реконструкции [Blaug 2001, p. 152; Блауг 1994]. История экономической науки обособилась от других областей интеллектуальной истории, следуя трансформации самой материнской дисциплины, пережившей в середине XX в. самую незаметную, но одну из самых значительных революций в своей истории — формалистическую (см. [Блауг 2015]). Формализация экономических исследований предполагала, что обращение экономистов к истории своей науки имеет смысл (если оно имеет смысл вообще) лишь в форме истории экономического анализа (см., например, [Samuelson 1987]; пример современной критики этой исследовательской программы представлен в [Freeman, Chick, Kayatekin 2014]).

Напротив, в области истории политических и социальных идей исследовательский подход, который можно обозначить как “контекстуальный”, получил большое распространение. Объективность исторического исследования связывается здесь не с соотношением идей прошлого со стандартами “правильного”, задаваемыми в настоящем, а с их пониманием в контексте времени их возникновения, убеждений и интересов их создателей, сторонников и противников. Контекстуальный подход противопоставит телеологическому в его тенденции к гипостазированию или “реификации” (см. [Skinner 1969, p. 11]) идей и доктрин — приданию им самодостаточного и автономного значения. Согласно этому подходу, идеи не существуют вне времени и пространства в качестве неких метафизических данностей. Они также не развиваются и не распространяются без агентов: люди формулируют и используют идеи для структурирования своих представлений о мире, в борьбе за отстаивание своих интересов. Идеи, воплотившиеся в разделяемые дискурсы, в свою очередь, способствуют структурированию

социальных групп, преследующих те или иные цели (будь то “материальные” или “духовные”)².

Вместе с тем привязка появления и развития идей к социальным реалиям обусловила и ловушку контекстуального подхода, ставшую очевидной исследователям еще в 1960-е гг. [Skinner 1969]. Она была связана с выстраиванием все тех же телеологических линий развития идей, привязанных уже, однако, не непосредственно к идеям и ценностям настоящего, а к современным концепциям процесса экономического и социального развития (почти неизбежно содержащим и оценку и этого процесса). Одним из наиболее характерных примеров такой ловушки стало понимание экономической науки (и идей отдельных ее представителей) как выражения и отражения “хозяйственной этики” (или “идеологии”) капитализма. В области экономических идей очевидным проявлением данной телеологии являются исследования на базе марксистского подхода. Но сюда же относят и альтернативные историческому материализму концепции, указывающие на роль религиозных оснований в складывании буржуазного этоса [Skinner 1969, p. 40–41]. При всей правдоподобности положения о связи экономической науки и капитализма, тезис о социальной обусловленности знания в сочетании с тезисом об определенной закономерности развития социальных условий лишает конкретные идеи конкретных авторов самостоятельного значения, подчиняя их представлению об общей логике исторического процесса³.

Тем не менее характерное для контекстуального подхода критическое отношение к роли ценностей в истории идей, а также внимание, уделяемое изменяющемуся содержанию понятий, позволили не только поставить вопросы о причинах обращения “актеров” к морализаторской риторике и о роли, которую моральные категории играли в отношении к рыночной системе. Именно в рамках контекстуального подхода была разработана концепция “моральной экономии” (*moral economy*). Приоритет в этом отводится работе британского историка Э. Томпсона [Thompson 1971]. В то же время, как часто бывает, само это понятие и схожие концепции уже встречались в истории науки ранее. Особое внимание в связи с этим уделяется вкладу А. Чаянова, сделанному в рамках его исследования крестьянского хозяйства (см., например, [Edelman 2005, p. 333–334]).

Моральная экономия выражает этику хозяйственной деятельности и представления о справедливости, характерные для дорыночных локальных сообществ. Как таковая она может быть противопоставлена политической экономии, которая с начала своего обособления в качестве особой области деятельности интеллектуалов в последней трети XVIII в., была призвана исследовать и отражать закономерности функционирования рыночной системы. Первая обозначает оспаривание или обоснование экономических *практик*, последняя — экономическую *теорию*. Методологическое противопоставление между двумя подходами отнюдь не неизбежно: исследование крестьянского хозяйства Чаяновым строилось на расширении неоклассического анализа рационального выбора за пределы сложившейся рыночной системы. Современные исследования моральной экономии охватывают различные объекты анализа, включая и весьма экзотические (см., например, [Kivelson 2013]). Однако доминирует тезис о том, что представления и ценности, вплетенные в экономические практики и отражающиеся в соответствующих институтах, носят антирыночный характер

² Напротив, в рамках материалистического понимания, “структура общественной практики накладывает отпечаток на структурирование морального сознания, в том числе на соподчинение и иерархию категорий” [Синютин 2016, с. 213].

³ Это может выражаться в том, что мы “знаем”, что “имели в виду” авторы прошлого, не зная того, что конкретно они писали по тому или иному вопросу; или же, сталкиваясь с несоответствиями между нашим “знанием” и идеями, действительно выражаемыми авторами прошлого, мы исходим из допущения, что сами они, в силу незрелости социальных условий, еще не вполне осознавали, что они действительно “имели в виду”. Так, Т. Гоббс или А. Смит становятся “отцами” тех или иных современных политических или экономических теорий при том прискорбном факте, что при жизни они были лишены знания о счастье этого “отцовства”.

(критика подобного подхода применительно к исследованиям крестьянского хозяйства представлена в [Wegren 2005]).

С одной стороны, характерная для исследований моральной экономики релятивизация ценностей, предполагающая альтернативность и борьбу между ними в каждом данном историческом контексте, предоставляет возможности для научного рассмотрения морализаторской риторики в связи с экономическими практиками. С такой точки зрения экономическая наука, даже если понимать ее как апологетику капитализма, “аморальна” лишь в том смысле, что она отрицает ценностные предпосылки хозяйственной деятельности в дорыночных укладах. Само по себе это не позволяет выносить в ее отношении этические оценки. С другой стороны, обращение к моральной экономике носит потенциально критический по отношению к рыночной системе характер. Столкновение рыночного и нерыночного “хозяйственных этосов” как альтернативных, возвращает к вопросу о ценностных предпосылках как рыночного поведения, так и исследований этого поведения в рамках экономического анализа. В условиях, когда тяга к моральному порицанию рыночной системы почему-либо особенно велика, это усиливает среди представителей академического сообщества стремление к выходу за границы экономического знания в анализе экономической деятельности — в области социальной истории, социальной антропологии, экономической социологии, либо же и вовсе к формированию альтернативного экономического знания — моральной экономики.

Критика либеральных ценностей, ассоциируемых с современным экономическим анализом, приводит к историческим реконструкциям, носящим телеологический характер — своеобразной разновидности виговской интерпретации истории. В контексте развивающихся и переходных экономик спрос на моральную альтернативу теоретической системе, рассматриваемую как источник и обоснование пережитых или переживаемых потрясений, как идеология чуждых, космополитичных центров глобальной рыночной системы, особенно велик. Однако «в противоположность доминирующим установкам, весьма широко представленным в академической литературе... мы не можем предполагать, что концепции морального актора или моральной экономики автоматически соотносятся с про-социальными практиками или же с нашими собственным, субъективным разделением между честными или “хорошими” и нечестными или “плохими” действиями» [Whyte, Wiegratz 2016, p. 6].

Проблема координации в обществе: рынок, мораль или государство?

Вопрос о моральных основаниях человеческого поведения был в центре внимания задолго до появления экономической науки как отдельной области исследований. Представления о благе и справедливости как о целях поведения характеризовали аристотелевскую традицию, которая оказывала огромное влияние на рассмотрение социальных и экономических проблем в европейской мысли начиная с XIII в.

Одним из пионеров имморализма в общественных исследованиях стал Гоббс. Истоки этого подхода лежали в стремлении представить не декларируемые или предписываемые, а действительные мотивы поведения, выйти за рамки представлений о метафизической природе морали, закрепленных в религиозных предписаниях или в философских учениях. В отношении последних Гоббс замечает: “Благодаря чтению греческих и латинских авторов люди с детства привыкли благосклонно относиться (под лживой маской свободы) к мятежам и беззастенчивому контролированию действий своих суверенов, а затем к контролированию и этих контролеров, вследствие чего было пролито столько крови, что я считаю себя вправе утверждать, что ничего никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков”. Это знание оказалось, по Гоббсу, тем пагубнее, что античная мудрость была воспринята католической церковью “благодаря внесению схоластами в религию философии и учения Аристотеля”, и она вышла за церковные границы и проникла в университеты. Рассматривая основания моральной и политической философии, идущей от Аристотеля и других античных авторов, он отмечает, что “их моральная философия

есть лишь описание их собственных страстей”, тогда как правила государственного устройства они вводили не “из принципов природы, а переносили их в свои книги из практики собственных демократических государств” [Гоббс 1991, с. 168, 92, 511, 167]. Более того, с его точки зрения речь шла не просто о неосознанном заблуждении, но о сознательных попытках индоктринации в пользу конкретной формы правления (демократической). Таким образом, Гоббса можно рассматривать как предшественника критики телеологической интерпретации истории идей, основанной на ценностях, ассоциируемых с демократическим устройством.

В сформулированной им альтернативе, основанной не на моральной, а на “естественной” философии, Гоббс исходил из того, что ссылки на мораль часто служат сокрытию подлинных интересов (особенно у университетских интеллектуалов, стремящихся упрочить свой вес и влияние). Отрицание метафизической природы морали приводило к убеждению, что совесть отдельных людей есть лишь их личное мнение. Человеку у Гоббса не дано до конца постичь намерения и мотивы других людей, но и в своих собственных он склонен заблуждаться, и никто не может быть справедливым судьей самому себе. Этот тезис, в частности, подкреплялся вполне экономическим (“аморальным” с внеэтической точки зрения) аргументом: “Стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой... Пусть люди (как это большинство и делает) ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие” [Гоббс 1991, с. 66–67].

Поскольку люди в своем поведении руководствуются своими интересами и опираются на свои убеждения, постольку достижение долговременного баланса в отношениях между ними в их естественном, догосударственном, состоянии невозможно, и это порождает знаменитую гоббсовскую войну “всех против всех”. Никакие моральные увещания не могут ее предотвратить, а неукоснительное следование моральным добродетелям в таких условиях будет самоубийственным. Используя пример, приведенный Аристотелем (и предвосхищая более позднее обращение к аллегории пчелиного улья, использованной Б. Мандевилем), Гоббс проводит противопоставление между человеческими обществами и жизнью “общественных созданий” (пчел и муравьев), дружно живущих “без всякой принудительной власти”. Помимо прочих факторов различия, он отмечает: “Среди указанных существ общее благо совпадает с благом каждого индивидуума, и, будучи от природы склонными к преследованию своей частной выгоды, они тем самым творят общую пользу. Человеку же, самоуслаждение которого состоит в сравнении себя с другими людьми, может приходиться по вкусу лишь то, что возвышает его над остальными”. Только государственное насилие способно упорядочить “человеческий муравейник”. Государство выступает по отношению к гражданам равноудаленным арбитром. “Закон есть совесть государства” [Гоббс 1991, с. 131, 252], и это решает проблему согласования не только интересов, но и убеждений. Вне государства невозможны справедливость (понимаемая Гоббсом как соблюдение контрактов), моральное поведение, сама экономика как мирный обмен. Суверенитет государства охватывает и права собственности, и условия торговли. Они подлежат ограничению во имя общего блага.

Демонстрируя в некоторых отрывках ясное понимание особенностей функционирования рыночного механизма, в целом Гоббс стоит на доэкономических позициях. Примечательно следующее его высказывание: “Бережливость (являющаяся, правда, добродетелью у бедных людей) делает человека непригодным к совершению таких деяний, которые требуют одновременных усилий многих людей, ибо активность этих усилий может быть питаема и поддерживаема лишь наградой, а бережливость ее ослабляет” [Гоббс 1991, с. 78]. Это понимание резко контрастирует с ролью, которая бережливость будет играть в экономической системе Смита. Вероятно, на это различие в подходах обратил внимание и сам Смит. Ссылаясь на слова Гоббса о том, что “богатство — это сила” [Смит 1962, с. 38], Смит далее воспроизводит идею о том, что богатство дает лишь средства для власти над другими, через устраивание системы

отношений. Однако фундаментальное различие заключается в том, что, по Гоббсу, эта система должна иметь иерархический характер и строиться на личных связях и договоренностях (поддерживаемых, в частности, щедростью). По Смиту же, в рыночном обществе для того, чтобы “командовать” трудом других людей, достаточно обладать продуктом собственного труда. Меновая стоимость как способ координации у Смита противостоит соединению “сил большинства людей, объединенных договором” и перенесенных на одну личность, распоряжающуюся этой силой “по своей воле” у Гоббса [Гоббс 1991, с. 63]. В обществе с разделением труда и децентрализованным рыночным ценообразованием меновая стоимость, а не воля становится мерой и источником власти. Смит признавал, что в таком обществе богатство может быть распределено крайне неравномерно. Но в нем бережливость и трудолюбие открывают даже представителям беднейших слоев доступ к такому уровню материального благосостояния (основанному на соединении труда множества людей), который, представляясь крайне простым, на деле “превосходит обстановку многих африканских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десятков тысяч нагих дикарей” [Смит 1962, с. 26].

«Политическая экономия Адама Смита резко контрастировала с преобладавшими меркантилистскими доктринами, в то же время его моральная философия в не меньшей степени противостоит идеалу “моральной экономии” — доиндустриальному, докапиталистическому, христианскому идеалу, основанному на принципах равенства и справедливости» [Himmelfarb 2012, р. 4]. Вместе с тем в рамках контекстуальных реконструкций такое обобщение скрывает ряд важных деталей. В распространенных с XIX в. интерпретациях как сторонники, так и противники экономического либерализма рассматривали “Богатство народов” как первое обоснование этой доктрины, тогда как рассмотрение Смитом моральных основ поведения связывалось с другим его трудом — “Теорией нравственных чувств”⁴.

Однако либерализация контроля над рынками продовольствия началась в Британии за четыре года до того, как идеи Смита были представлены широкой публике в первом издании “Богатства народов” (см. [Thompson 1971, р. 89]). И хотя эти идеи можно развернуть в оформившуюся позднее доктрину экономического либерализма, современниками они воспринимались с учетом конкретных обстоятельств. С этой точки зрения, центральная тема “Богатства народов” — справедливость. Не абстрактная справедливость, а оправданность и правильность долгосрочных экономических выгод от “системы конкурентных рынков продовольствия и труда” для всех слоев общества, в том числе и для трудолюбивой бедноты [Hont, Ignatieff 1983, р. 2]. Этот тезис был “скандальным” для многих представителей политической экономии того времени — сторонников регулирования государством рынков товаров первой необходимости, а также для защитников “моральной экономии” локальных сообществ, считавших, что права на пропитание имеют приоритет перед правами собственности и свободой торговли. Описание долгосрочных (благотворных) эффектов саморегулируемой рыночной системы противостояло указанию на ее непосредственные (разрушительные) эффекты для локальных сообществ. “Как традиционалистский патернализм, так и классический либерализм вряд ли смогли бы столь долго сохранять господствующие позиции в соответствующие периоды без наличия достаточных моральных оснований” [Fox Genovese 1973, р. 166]. Два представления о морали сталкивались друг с другом.

В работе Э. Томпсона подробно описывается характер народных волнений из-за попыток выхода рыночных механизмов за традиционные ограничения и содержание требований “бунтовщиков” [Thompson 1971]. Из них складывались очертания “моральной экономии толпы”, которые, как полагает автор, в большей или меньшей степени осознанно артикулировались с опорой на восходившую к средневековой традицию

⁴ Модели человеческого поведения, используемые Смитом в обеих работах, нередко рассматривались как противоположные. Начало такого понимания было заложено в немецких историко-экономических исследованиях второй половины XIX в., а предполагаемое противоречие стало с тех пор известно как *Das Smith Problem* (см., например, [Tribe 2008]).

законодательства и правоприменения и которые на первых порах часто встречали понимание со стороны представителей административной и судебной власти на местах. Но внимание в работе уделяется и реакции на теорию и практику дерегулирования рынков продовольствия со стороны представителей традиционалистской политической экономики — авторов, которых, с легкой руки Смита, относят к меркантилистам. С одной стороны, они, реагируя на последствия неблагоприятной конъюнктуры, воспроизводили традиционные рецепты дирижизма. Но обосновывались такие меры преимущественно не ссылками на концепции блага и справедливости, характерными для аристотелевской традиции и не “классическими” меркантилистскими соображениями интересов казны, а указаниями на аморальность и теоретическую несостоятельность новой политической экономики.

Репрезентативным в этом отношении можно считать памфлет А. Далримпла, вышедший анонимно в 1800 г. [Dalrymple 2016]. Он посвящен критике дерегулирования внутренней торговли продовольствием. Указывая на Смита как на сторонника дерегулирования, автор отмечает, основываясь на утверждении о личном знакомстве, его высокие интеллектуальные и душевные качества. Он приводит и свое объяснение того, почему ко мнению Смита следует относиться с осторожностью. Элементы этого объяснения можно считать модельными для многих других, в остальном разнородных и никак не связанных между собой примеров критики идей сторонников свободы рынков: забвение национальных корней, греховность, незнание жизни. Во-первых, памфлетист указывает, что Смит подпал под влияние “французской философии и системы” (под последней подразумевалось, очевидно, учение физиократов, но и в целом речь шла об идеях чужеродных, притом исходивших из страны — давнего соперника Англии). Во-вторых, он приводит, ссылаясь на личную беседу, мысли Смита о том, что “христианская религия испортила человеческий разум”, и о том, что “содомия является вопросом самим по себе безразличным” [Dalrymple 1800, р. 4]. Помимо соображений, касающихся лично Смита, рефреном в критике идей дерегулирования через весь памфлет проходит еще один аргумент: они исходят из абстрактных соображений, а не из практического опыта.

Моральная экономика последней трети XVIII в., развиваясь в русле меркантилистской традиции, практически сливалась с “моральной экономией толпы” в требовании поддержания традиционного порядка регулирования рынков продовольствия (прежде всего, самых значимых — зерна и хлеба) с целью недопущения спекулятивного роста цен и перебоя в поставках. Для народных масс, чаяния которых обретали конкретность и артикулировались почти исключительно во время фиксируемых властями всплесков недовольства, товары на этих рынках символизировали не просто материальное благосостояние, но физическое выживание. Для традиционалистски настроенных “консультантов-администраторов и памфлетистов” [Шумпетер 2001, с. 202–205] регулярное снабжение продовольствием и дешевый хлеб выступали основой политической стабильности и социальной справедливости. В обоих случаях хлеб в той или иной степени сакрализировался, и стремление рассматривать его просто как товар, власть над которым должна быть предоставлена частным интересам и игре спроса и предложения, вызывало моральное негодование.

Народные массы персонифицировали это негодование в конкретных игроках на стороне предложения на локальных рынках. Администраторы и памфлетисты (как правило, менее зависимые в силу своих доходов от волатильности на рынках товаров первой необходимости) — в последователях новой политической экономики. Смит, отмечая эту связь, был склонен говорить не о морали, а о народных предрассудках, которые достаточно сильны, чтобы воздействовать на законодательство: “Законы относительно хлеба можно сравнить с законами, касающимися религии. Люди чувствуют себя столь заинтересованными в том, что касается их существования в здешней жизни или их блаженства в жизни будущей, что правительство бывает вынуждено уступать их предрассудкам и, чтобы сохранить общественное спокойствие, устанавливать ту систему, которую они одобряют. Может быть, именно поэтому нам так редко приходится встречать разумные системы, установленные в этих двух важнейших областях” [Смит 1962, с. 388].

Однако как раз в период публикации указанного выше памфлета выражаемый в нем подход все более становится анахронизмом. И в общественных представлениях о справедливой экономике, и в моделях экономической политики начинается отход от одной традиции и вырисовываются контуры другой [Thompson 1971, p. 128]. Одним из факторов этой трансформации стал “триумф новой идеологии политической экономии” [Thompson 1971, p. 129], который маргинализировал традиционалистские построения досмитовских экономических исследований. В то же время изменялись социальные основы моральной экономии. Индустриализация и урбанизация, стирая дорыночные уклады и разрушая локальные сообщества, порождали и новые очаги неприятия рыночной системы — моральную экономию пролетариев. Фокус моральной риторики смещался с рынка продовольствия на рынок труда. А лозунг моральной экономии последней трети XVIII в. — дешевый хлеб — перешел в начале XIX в. в руки либеральных экономистов во главе с Д. Рикардо. В 1830—1840-е гг. практическое оформление экономического либерализма на основе этого лозунга завершится в деятельности Лиги против хлебных законов — “первой современной и действовавшей на национальном уровне группе политического давления, возникшей в Британии” [Schonhardt-Bailey 2006, p. 14].

Рынок труда стал исходным объектом исследования для экономической теории социалистов и коммунистов. Но как раз К. Маркс и его последователи, подчеркивавшие научный характер своих идей, обосновывали справедливость (эквивалентность) сделок на рынке труда. Марксисты отрицали самостоятельный и автономный характер морального начала (продолжая “имморалистскую” традицию классической политической экономии). Их концепция социальных изменений представлялась в категориях необходимости, а не долженствования. Несмотря на очевидный морализаторский потенциал, критика буржуазного порядка слева (если воспользоваться несколько более поздним политическим понятием) развивалась с первой половины XIX в. на базе радикального варианта экономической науки. Требования новых движений и партий, позиционирующих себя как выразителей интереса пролетариата, носили преимущественно экономический и политический характер.

Идеи переустройства общества на нравственных началах в этот период в наибольшей степени исходили не из экономических или даже этических доктрин, а из эстетического неприятия буржуазного порядка. Романтическое направление в литературе и живописи XIX в. поставляло образы, отталкиваясь от которых социальные мыслители переосмысливали наследие Средневековья и вообще ранних периодов истории (отвергая сложившиеся к тому времени гуманистические прогрессистские интерпретации истории), идею нации и значение национального начала, роль и назначение личности в истории.

Яркий пример этому предоставляет творчество Т. Карлейля, автора известного определения экономики как “мрачной науки” (см., например, [Groenewegen 2001]). Этот термин выражал собой критику современную ему экономической науки не слева, но справа [Levy 2001, p. 6]. Примечательно само его происхождение: Карлейль употребил его, выступая в 1849 г. в защиту рабовладения и против той политики, которая исходила из тезиса об однозначной эффективности наемного труда по сравнению с зависимым. Напротив, рабство означало для него сохранение уз солидарности, защищающих отдельного человека от стихии рынка⁵. Однако рассмотрение этого вопроса было

⁵ Подобная аргументация в пользу систем личной зависимости в тот период не была эксцентричной. Например, более чем за 10 лет до Карлейля А. Пушкин так противопоставлял русское крепостное право английскому рынку труда в своем критическом отклике на книгу А. Радищева: “Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность!.. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию... У нас нет ничего подобного” [Пушкин 1951, с. 290].

для Карлейля лишь эпизодом в более общей моральной критике общества, поклоняющегося “евангелию маммонизма”⁶ и той науки, которая эту веру выражала⁷. Рыночный механизм представлялся воплощением гоббсовской “войны всех против всех”.

В то же время романтический культ героических личностей сам по себе противоречил провозглашаемым идеалам солидарности. В поисках устойчивых структур, способных воплощать искомые формы нравственного общежития, Карлейль и другие творцы новой моральной экономики находили их в общинах и корпорациях Средних веков, а также в церкви. Моральная критика противопоставляла рыночную систему обществу постольку, поскольку индивидуальные стремления к наживе, на которых основан рынок, рассматривались как несоответствующие общему благу. Но поиски институциональных решений, которые обеспечивали бы приоритет соответствующих общему благу нравственных устоев, неизбежно сталкивались с вопросом о роли государства.

В самом деле, наделение какого-либо института правом вынесения моральных предписаний требует определения роли и места этого института в соотношении с государством как источником легитимного насилия. Еще Гоббс предупреждал, что “церковная власть является лишь властью поучать” [Гоббс 1991, с. 379] и, рассматривая отношения государства и церкви, подчеркивал невозможность их сосуществования как равноправных источников власти. Смит же представлял данную проблему иначе: “...препятствовать фермеру отправлять его товары в любое время на наиболее выгодный для него рынок, очевидно, равносильно принесению обычных законов справедливости в жертву идее общественного блага, своего рода соображениям государственной пользы” [Смит 1962, с. 392]. За порицаниями Маммоны выступали очертания Левиафана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блауг М. (2015) Формалистическая революция 1950-х годов // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и в экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 37–56.

Блауг М. (1994) Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.

Гоббс Т. (1991) Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.

Карлейль Т. (1994) Этика жизни // Теперь и прежде. М.: Республика.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

Петров А.В. (2016) Современный капитализм, гражданское общество и социальное партнерство: проблема справедливости в системе социально-трудовых отношений // Правила справедливого общества. Под ред. А.А. Липатова. СПб.: Реноме.

Пушкин А.С. (1951) Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. М. – Л.: АН СССР.

Синютин М.В. (2016) Эволюция справедливости: нравственность и практика товарной эквивалентности // Правила справедливого общества. Под ред. А.А. Липатова. СПб.: Реноме.

Скиннер К. (2006) Свобода до либерализма. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Смит А. (1962) Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд. социально-экономической литературы.

Хайек Ф. (2012) История и политика // Капитализм и истории. Челябинск: Социум.

⁶ «Мы называем это обществом – и тотчас же открыто провозглашаем абсолютнейшее разделение и изоляцию. Наша жизнь не полнится взаимопомощью – она есть взаимная вражда, прикрытая именами “честной конкуренции” и подобными ему, выражающими в действительности законы войны» [Carlyle 1843, р. 183].

⁷ «Спрос и предложение – не единственный закон природы; уплата наличными деньгами – не единственная обязанность людей по отношению друг к другу. Глубоко, много глубже спроса и предложения лежат законы и обязательства, священные, как сама жизнь человеческая» [Карлейль 1994, с. 326].

- Шумпетер Й. (2001) История экономического анализа. В 3 т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа.
- Blaug M. (2001) No History of Ideas, Please, We're Economists // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 15, No. 1 (Winter). Pp. 145–164.
- Butterfield H. (1965) *The Whig Interpretation of History*. London: W.W. Norton & Co.
- Cameron D. (2006) David Cameron's speech: Modern Conservatism // *The Guardian*. 30 January (<http://www.theguardian.com/politics/2006/jan/30/conservatives.davidcameron>).
- Carlyle T. (1843) Past and Present. Collected Works. Vol. XIII. London: Chapman and Hall (<https://archive.org/details/ThomasCarlylesCollectedWorksVolXIIIPastAndPresent>).
- Corbyn J. (2016) Fabian Speech. 16 January (<http://press.labour.org.uk/post/137404366034/jeremy-corbys-speech-to-the-fabian-new-year>).
- Dalrymple A. (2016) Thoughts of an Old Man of Independent Mind, though Dependent Fortune, on the Present High Price of Corn. London: T. Reynolds. Eighteenth Century Collections Online. Gale. New York Public Library. 15 June.
- Edelman M. (2005) Bringing the Moral Economy Back in... to the Study of 21st-Century Transnational Peasant Movements // *American Anthropologist*. Vol. 107. No. 3 (Sep.). Pp. 331–345.
- Fox Genovese E. (1973) The Many Faces of Moral Economy: A Contribution to a Debate // *Past & Present*. No. 58 (Feb.). Pp. 161–168.
- Freeman A., Chick V., Kayatekin S. (2014) Samuelson's Ghosts: Whig History and the Reinterpretation of Economic Theory // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 38. Pp. 519–529.
- Groenewegen P. (2001) Thomas Carlyle, the Dismal Science and the Contemporary Political Economy of Slavery // *History of Economics Review*. Vol. 34. Summer. Pp. 74–94 (<http://www.hetsa.org.au/historyeconreview/archive/17-volume-34.html>).
- Himmelfarb G. (2012) *The Moral Imagination: From Adam Smith to Lionel Trilling*. Lanham, Boulder, New York: Rowman & Littlefield.
- Hont I., Ignatieff M. (1983) Needs and Justice in the Wealth of Nations: an Introductory Essay // *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Cambridge: C. U. P.
- Kivelson V. (2013) *Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Knight S. (2016) Enter Left. Will a fervent socialist reshape British politics or lead his party to irrelevance? // *The New Yorker*. May 23 (<http://www.newyorker.com/magazine/2016/05/23/the-astonishing-rise-of-jeremy-corbys>).
- Levy D.M. (2001) How the Dismal Science Got Its Name: Debating Racial Quackery // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 23. No. 1. Pp. 5–35.
- Makovicky N. (2016) Public Good for Private Gain: Public sector reform, bureaucrats and discourses of moral accountability in post-socialist Central Europe // *Neoliberalism and the Moral Economy of Fraud*. London; New York: Routledge.
- Orbán V. (2015) Speech at the EPP Congress in Madrid. 22 October (<http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/speech-of-viktor-orban-at-the-epp-congress20151024>).
- Samuelson P. A. (1987) Out of the Closet: A Program for the Whig History of Economic Science: Keynote Address at History of Economics Society Boston Meeting // *History of Economics Society Bulletin*. No. 9. Pp. 51–60. doi:10.1017/S1042771600004002
- Sanders B. (2016) The Urgency Of A Moral Economy // *Vital Speeches Of The Day*. Vol. 82. No. 6. Pp. 166–167. Business Source Complete, EBSCOhost.
- Schonhardt-Bailey Ch. (2006) *From the Corn Laws to Free Trade: Interests, Ideas, and Institutions in Historical Perspective*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Skinner Q. (1969) Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–53.
- Stiglitz J.E. (2010) Moral Bankruptcy. Why are we letting Wall Street off so easy? // *Mother Jones*. January/February (<http://www.motherjones.com/politics/2010/01/joseph-stiglitz-wall-street-morals>).
- Thompson E.P. (1971) The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past & Present*. No. 50 (Feb.). Pp. 76–136.
- Tribe K. (2008) “Das Adam Smith Problem” and the origins of modern Smith scholarship // *History of European Ideas*. Vol. 34. No. 4. Pp. 514–525. DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2008.02.001.
- Wegren S.K. (2005) *The Moral Economy Reconsidered: Russia's Search for Agrarian Capitalism*. New York and Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Whyte D., Wiegratz J. (2016) *Neoliberalism, Moral Economy and Fraud // Neoliberalism and the Moral Economy of Fraud*. London; New York: Routledge.

Between Leviathan and Mammon: In Search for Moral Economics

D. MELNIK*

***Melnik Denis** – Associate Professor, Department of Theoretical Economics, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Address: Nakhimovskiy av. 32, Moscow, Russia, 117218. E-mail: dmelnik@hse.ru

Abstract

The concepts of morality and justice have always played a significant role in the perception of economic science. The article attempts to reveal some regularities of the moral criticism of economic science. In the first part the article discusses the challenges faced by modern Economics under increasing political influence of populist parties and movements. The second one addresses some of the factors contributing to the moral criticism of economic science. In the third part based on the example of works by T. Hobbes, A. Smith, T. Carlyle different approaches to the justification of regulation of human behavior (based on state coercion, market, morality) are considered. The analysis of the initial formation stages of the conservative-romantic program of market mechanism subordination to the ideals of justice and the common good allows determining its fundamental problem: the need for enforcement of both legal and moral standards.

Keywords: moral economy, moral economy, critique of economic theories of economic liberalism, Adam Smith, T. Carlyle, T. Hobbes.

REFERENCES

- Blaug M. (1994) *Ekonomicheskaya misl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow: Delo.
- Blaug M. (2001) No History of Ideas, Please, We're Economists. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 15, no. 1 (Winter), pp. 145–164.
- Blaug M. (2015) Formalisticheskaya revolyutsiya 1950-h [The Formalist Revolution of the 1950s]. *Istoki*. Moscow: Higher School of Economics Press, pp. 37–56.
- Butterfield H. (1965) *The Whig Interpretation of History*. London: W.W. Norton & Co.
- Cameron D. (2006) David Cameron's speech: Modern Conservatism. *The Guardian*. 30 January (<http://www.theguardian.com/politics/2006/jan/30/conservatives.davidcameron>).
- Carlyle Th. (1994) *Etica zhizni* [Ethics of Life]. *Teper' i prezhd*. Moscow: Respublika.
- Carlyle T. (1843) Past and Present. *Collected Works*. Vol. XIII. London: Chapman and Hall (<https://archive.org/details/ThomasCarlylesCollectedWorksVolXIIIPastAndPresent>).
- Corbyn J. (2016) Fabian Speech. 16 January (<http://press.labour.org.uk/post/137404366034/jeremy-corbyns-speech-to-the-fabian-new-year>).
- Dalrymple A. (1800) *Thoughts of an Old Man of Independent Mind, though Dependent Fortune, on the Present High Price of Corn*. London: T. Reynolds. Eighteenth Century Collections Online. Gale. New York Public Library. 15 June.
- Edelman M. (2005) Bringing the Moral Economy Back in... to the Study of 21st-Century Transnational Peasant Movements. *American Anthropologist*, vol. 107, no. 3 (Sep.), pp. 331–345.
- Fox Genovese E. (1973) The Many Faces of Moral Economy: A Contribution to a Debate. *Past & Present*, no. 58 (Feb.), pp. 161–168.
- Freeman A., Chick V., Kayatekin S. (2014) Samuelson's Ghosts: Whig History and the Reinterpretation of Economic Theory. *Cambridge Journal of Economics*, 38, pp. 519–529.
- Groenewegen P. (2001) Thomas Carlyle, the Dismal Science and the Contemporary Political Economy of Slavery. *History of Economics Review*, vol. 34, Summer, pp. 74–94 (<http://www.hetsa.org.au/historyeconreview/archive/17-volume-34.html>).
- Hayek F.A. (2012) *Istoriya i politika* [History and Politics]. *Kapitalizm i istoriki* [Capitalism and the Historians]. Chelyabinsk: Sotsium.
- Himmelfarb G. (2012) *The Moral Imagination: From Adam Smith to Lionel Trilling*. Lanham, Boulder, New York: Rowman & Littlefield.
- Hobbes Th. (1991) *Leviathan*. Hobbes Th. *Sobranie sochineniy*. Tom 2. Moscow: Misl'.

- Hont I., Ignatieff M. (1983) Needs and Justice in the Wealth of Nations: an Introductory Essay. *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment*. Cambridge: C. U. P.
- Kivelson V. (2013) *Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Knight S. (2016) Enter Left. Will a fervent socialist reshape British politics or lead his party to irrelevance? *The New Yorker*, May 23 (<http://www.newyorker.com/magazine/2016/05/23/the-astounding-rise-of-jeremy-corbyn>).
- Levy D.M. (2001) How the Dismal Science Got Its Name: Debating Racial Quackery. *Journal of the History of Economic Thought*, vol. 23, no. 1, pp. 5–35.
- Makovicky N. (2016) Public Good for Private Gain: Public sector reform, bureaucrats and discourses of moral accountability in post-socialist Central Europe. *Neoliberalism and the Moral Economy of Fraud*. London; New York: Routledge.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011) *Nasilie i sotsialnie poryadki* [Violence and Social Order]. Moscow: Institut Gaidara.
- Orbán V. (2015) Speech at the EPP Congress in Madrid. 22 October (<http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/speech-of-viktor-orban-at-the-epp-congress20151024>).
- Petrov A.V. (2016) Sovremeny capitalism, grazhdanskoe obschestvo i sotsialnoe partnerstvo [Modern Capitalism, Civil Society and Social Partnership]. *Pravila spravedlivogo obschestva*. Saint Petersburg: Renome.
- Pushkin A.S. (1951) Puteshestvie iz Moskvi v Peterburg [Journey from Moscow to St. Petersburg]. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy*. Tom 7. Moscow–Leningrad: AN SSSR.
- Samuelson P.A. (1987). Out of the Closet: A Program For the Whig History of Economic Science: Keynote Address at History of Economics Society Boston Meeting. *History of Economics Society Bulletin*, no. 9, pp. 51–60 (DOI:10.1017/S1042771600004002).
- Sanders B. (2016) The Urgency of A Moral Economy. *Vital Speeches of The Day*, 82, no. 6, pp. 166–167. Business Source Complete, EBSCOhost.
- Schonhardt-Bailey Ch. (2006) *From the Corn Laws to Free Trade: Interests, Ideas, and Institutions in Historical Perspective*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Schumpeter J.A. (2001) *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis]. Vol. 1. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Sinyutin M.V. (2016) Evolyutsia spravedlivosti [The Evolution of Justice]. *Pravila spravedlivogo obschestva*. St. Petersburg: Renome.
- Skinner Q. (1969) Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*, vol. 8, no. 1, pp. 3–53.
- Skinner Q. (2006) *Svoboda do liberalizma* [Liberty before Liberalism]. St. Petersburg: European University Press.
- Smith A. (1962) *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Socekgiz.
- Stiglitz J.E. (2010) Moral Bankruptcy. Why are we letting Wall Street off so easy? *Mother Jones*. January/February (<http://www.motherjones.com/politics/2010/01/joseph-stiglitz-wall-street-morals>).
- Thompson E.P. (1971) The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past & Present*, no. 50 (Feb.), pp. 76–136.
- Tribe K. (2008) “Das Adam Smith Problem” and the origins of modern Smith scholarship. *History of European Ideas*, vol. 34, no. 4, p. 514–525 (DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2008.02.001).
- Wegren S.K. (2005) *The Moral Economy Reconsidered: Russia's Search for Agrarian Capitalism*. New York; Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Whyte D., Wiegatz J. (2016) Neoliberalism, Moral Economy and Fraud. *Neoliberalism and the Moral Economy of Fraud*. London; New York: Routledge.